

К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)

Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts)

• ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ) ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT

ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT (NEW DATA AND CONCEPTS)

Организация конференции и издание материалов проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20008

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия тома І: В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы), В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева; В. В. Терёхина

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. І. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

244 СЕКЦИЯ IV

Мунчаев Р. М. 1994б. Майкопская культура // Там же. С. 158-225.

Пендлбери Дж. 1950. Археология Крита. М.

Резепкин А. Д. 2012. Новосвободненская культура. СПб.

Стеганцева В. Я. 2004. Реповидная керамика катакомбной культуры (к постановке проблемы) // Вишняцкий Л. Б. и др. (ред). Археолог: детектив и мыслитель (к 77-летию Л. С. Клейна). СПб. С. 437-444.

Evans A. 1930. The Palase of Minos at Knossos, London, Vol. 3.

THE NAPIFORM VESSELS OF THE MANYCH CATACOMB CULTURE AS THE EVIDENCE OF RELATIONS WITH AGRICULTURAL CULTURES

Veronika Ya. Stegantseva

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: napiform vessels, Manych catacomb culture, Middle Bronze Age, connections with the agricultural cultures.

The napiform pottery makes up almost a third of the ceramic products found in burials of the Manych catacomb culture. The vessels forming this category — wide, heavy, with the reinforced rim — look very strange for household utensils of the nomads, who, it seemed, would have used containers that were lighter, thin-walled, made rather of wood, leather or metal.

A number of features such as the shape of the body and rim, as well as the ornament, which in combination make up the kind of tare ceramics, suggest the origin of the napiform ceramics to have been connected with the agricultural cultures. The bloated and squat shape in combination with the massive flat rim most closely resembles the pythos-type vessels known in the southern cultures of Crete, the Southern and the Northern Caucasus.

More than half of these vessels are ornamented. Most of the ornaments are represented by stickedon rollers partitioned by notches or finger impressions. The rollers are usually located above the largest diameter, in the lower part of the shoulder space. A much smaller part of the vessels is ornamented on the upper part of the shoulders by shaded triangles, whose apices are directed up or down. Particular attention is paid to cross-shaped figures of sticked-on rollers with finger impressions located on the inside of the bottom and, occasionally, on its outside.

The motives and methods of applying the ornaments have analogies in the Kura-Araxes culture of the North and South Caucasus, Novosvobodnaya culture, the materials of Trialeti burial ground and "corded pithoi" of the Palase of Minos at Knossos.

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ОЦЕНОК ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ЖИЗНЕННЫХ УКЛАДОВ НАСЕЛЕНИЯ САБАТИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. А. Черниенко

Одесский археологический музей НАН Украины, Одесса, Украина

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-244-247

Ключевые слова: сабатиновская культура, степное (пастушеское) общество; относительно оседлое население; демографический взрыв.

Беспристрастная социально-экономическая оценка сабатиновской культуры, данная В. М. Массоном (Массон 1998: 260, 262–264), на мой нынешний взгляд, близка к истине. Время восторгов по поводу более 2000 якобы долговременных поселений этой культуры, в том числе протогородов и т. п. (Черниенко 2000: 483, 484, 500–501) прошло. Но часто

CEKЦИЯ IV 245

неубедительны и альтернативы традиционным оценкам ее населения как оседлоземледельческо-скотоводческого (при демографическом взрыве), пусть вызывающим ныне некоторые вопросы, например: какова была роль земледелия у сабатиновских племен при условии, что их памятники были изучены неравномерно во времени и пространстве? Как минимум для двух сабатиновских поселений, которые раскапывались, изучение палеоботаниками сотен черепков (а для одного из них — и результатов флотации) не выявило отпечатков (остатков) культурных злаков (Пашкевич 1992: 190). Сравним с некоторыми палеоботаническими сведениями по другим эпохам (см.: Черных и др. 1997: 28). На поселениях сабатиновской культуры находят больше костей домашних животных, чем, скажем, на трипольских. В степи от ямной культуры до сабатиновской относительно стабилен состав стада (но в катакомбной культуре почему-то заметно меньше доля лошади), в котором гораздо меньше, чем в лесостепных культурах «западной культурной зоны», доля свиньи и (чаще) больше — лошади (см.: Дергачёв 2006: 63-71, 73). Это ни отнесению сабатиновского общества к степным (пастушеским) (Массон 1998: 263-264), ни представлениям о смешанном образе жизни сабатиновцев (см., например: Бунятян 2001) не противоречит. Но деятельность подвижных скотоводов какой-либо сабатиновской общины пока труднее засвидетельствовать археологически. Сабатиновские стойбища, возможности наличия которых я не отрицаю, выделяются в основном по разведкам, но не в результате исследований, которые бы доказали, что конкретный памятник — явно стойбище (выселок — небезынтересный подход см.: Gershkovich 2003: 307, 310, стоянка, сезонный лагерь и т. п.), а не периферия стационарного поселения, территория, примыкающая к последнему, объект с уничтоженным культурным слоем (Черниенко 2000: 484).

Называть сабатиновскую культуру полуоседлой (Агульников 2008: 229), с доминирующей ролью полукочевого скотоводства, частой сменой мест обитания (а не демографическим взрывом) и т. д. (Sava 2003: 33-36; Горбов 2000: 58) при малоизученной относительной хронологии памятников преждевременно. Малочисленность предшествовавших поселений убеждает в гораздо меньшем количестве населения, чем в сабатиновское время, особенно оседлого (см.: Черняков 1985: 48 и др.). Вопреки некоторым мнениям (Sava 2003: 20, 34-36; Сава, Кайзер 2011: 452-456, 470-471; Агульников 2007: 246, 248), большинство раскапывавшихся поселений сабатиновской культуры, особенно со сложной архитектурой — Вороновка II, Виноградный Сад и др., не ассоциируется с сезонными лагерями, а большинство изученных строительных остатков (хотя, пожалуй, не все (см., например: Агульников 2006: 225-227)) — с пастушескими домиками, с шатрами или шалашами с укрепленными камнями краями. Если, конечно, чертежи таких домиков не сопоставлять подобно Е. Сава и Э. Кайзер — с фасировками стен помещений 1 и 7 поселения Вороновка II (Сава, Кайзер 2011: 455), а с планом архитектурных блоков, в состав которых входят эти помещения (см., например: Ванчугов и др. 1991: 10, рис. 3; 4). По-разному оценивается долговременность поселений с углубленными жилищами (Sava 2003: 35, 36), построенными без применения камня (в целом нетипичными для сабатиновской культуры (см., например: Черниенко 2000: 484 и сл.)), и опора на характер и насыщенность находками (Агульников 2007: 248; 2006: 237-239, 248), пусть нередко неравномерную и в пределах одного памятника, на мой взгляд, перспективна.

Для носителей сабатиновской культуры пока придется довольствоваться осторожной терминологией типа «относительно оседлое население».

Литература

Агульников С. 2006. Поселения эпохи поздней бронзы в Буджакской степи. In: Revista Arheologică. Vol. 2. С. 217–262.

246 СЕКЦИЯ IV

Агульников С. 2007. Памятники эпохи поздней бронзы микрозоны Верхнее-Пугаченского массива. In: Revista Arheologică. Vol. 3. C. 231–251.

Агульников С. М. 2008. Археологическое наследие Буджака. Краткий очерк археологических памятников Буджакской степи. In: Revista de etnologie și culturologie. 3. P. 227–243.

Бунятян К. П. 2001. Генеза кочового скотарства у Пінічному Надчорномор'ї // Магістеріум. 6. С. 101-105.

Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г. 1991. Вороновка ІІ. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Горбов В. Н. 2000. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны // Крыжицкий С. Д. (ред.). Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк. С. 55–59.

Дергачёв В. А. 2006. Динамика развития домашнего стада неолита — бронзы юга Восточной Европы как возможный индикатор климатических изменений прошлого. In: Revista Arheologică. Vol. 2. С. 56–77.

Массон В. М. 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ // АВ. 5. С. 255–267.

Пашкевич Г. О. 1992. До реконструкції асортименту культурних рослин епохи неоліту — бронзи на території України // Паньков С. В. (ред.). Стародавнє виробництво на території України: 36. наук. праць. Київ. С. 179–194.

Сава Е., Кайзер Э. 2011. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования). Chişinău (Bibilioteca "Tyragetia". 19).

Черниенко Ю. А. 2000. Некоторые итоги и проблемы изучения строительного дела на сабатиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья // Stratum plus. 2. С 483–504.

Черных Е. Н., Лебедева Е. Ю., Кузьминых С. В. 1997. К проблеме истоков земледелия в Восточной Европе // Клюшинцев В. Н. (ред.). Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы: ТД І-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск. С. 27–28.

Черняков И. Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. Киев.

Gershkovich Ya. P. 2003. Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowland during the Late Bronze Age. In: Levine M. A., Renfrew C., Boyle K. (eds.). Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambrige. P. 307–317 (McDonald Institute Monograph. Ch. 20).

Sava E. 2003. Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistrean (complexul cultural Noua-Sabatinovka): Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe istorice. Chișinău.

APROPOS SOME ASSESSMENTS OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION AND LIFESTYLES OF THE POPULATION OF THE SABATYNOVKA CULTURE

Yuri A. Chernienko

Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine

Keywords: Sabatynovka culture, steppe (shepherd) society, relatively settled population, demographic explosion.

The time of elations for about 2000 allegedly long-term settlements of the Sabatynivka culture has passed. However, alternatives to the traditional assessments of the population of this culture as a settled agricultural-pastoral one (with a demographic explosion) are often unconvincing. Campsites of the Sabatynivka culture probably existed, but they are distinguished mainly during the explorations,

СЕКЦИЯ IV 247

but not as a result of researches, which would convincingly prove that a certain monument is certainly the camp or the like, but not the periphery of the stationary settlement or other. Contrary to some opinions, most of the excavated settlements of the Sabatynivka culture are not associated with seasonal camps, and the majority of the studied building remains are not associated with shepherd lodges. Therefore, it is prematurely to call this culture semi-settled one, with the dominant role of semi-nomadic cattle breeding, frequent change of habitat (but not with a demographic explosion), etc. For now cautious terminology such as "relatively settled population" is apposite.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ШАГАЛАЛЫ II

С. К. Сакенов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-247-249

Ключевые слова: бронзовый век, поселение, степные племена, древнеземледельческие центры, степная лепная керамика, станковая керамика, гончарный круг.

В 2014–2015 гг. на поселении эпохи бронзы Шагалалы II (Акмолинская обл., Северный Казахстан) была исследована гончарная мастерская, ее следы хорошо сохранились благодаря пожару. Речь идет о прямоугольном сооружении каркасно-столбового типа (рис. 1).

По сохранившимся остаткам следов от столбовых ям удалось выявить план и размеры строения. Длина его северо-западной и юго-восточной стен составляли $5\,\mathrm{m}$, а юго-западной — $6\,\mathrm{m}$. В северо-восточном углу имеется проход коридорного типа, длиной $2\,\mathrm{m}$ и шириной $1,1\,\mathrm{m}$. Северо-восточная стена коридора и собственно самого строения были едиными со стеной коридора. Размеры внешнего строения, без учета коридора, составляли $5\times6\,\mathrm{m}$, общая площадь мастерской достигала $30\,\mathrm{m}^2$. В ее центральной части сохранились следы от четырех столбов, которые служили подпоркой для кровли. В северо-восточной части хорошо сохранились остатки рухнувшего после пожара каркаса двухскатной кровли, который состоял из поперечных и продольных балок, опиравшихся на центральную балку. Стены постройки, судя по их остаткам, были сделаны из плетня и отштукатурены раствором глины с добавлением навоза. Вентиляция и дневное освещение помещения были возможны через отверстия в торцовых стенах и в легкой сборной части в центре крыши. Внутри сооружения не обнаружены остатки каких-либо теплотехнических конструкций, что свидетельствует о сезонной работе мастерской в теплое время года.

Внутри помещения зафиксирована конструкция, сложенная из вертикально вкопанных гранитных плит. Она имела двойную структуру, при этом первая внешняя стена Π -образной формы выложена из крупных гранитных плит, щели между которыми заделаны мелкими камнями. Длина стенок составляла 3 м, ширина торцовой части — 1,6 м. Вторая часть конструкции представлена каменным сооружением, которое напоминает небольшой прямоугольный бассейн $(0.5 \times 3.0 \text{ м})$, сложенный из ровных, вкопанных вертикально гранитных плит. Все сооружение утоплено в материк на глубину 0.5 м (Сакенов 2015: 168). Обнаруженная емкость служила для просеивания и замачивание сырой глины. Во внутренней части емкости находился слой чистой глины, а также засохшие корки и глиняные комки со следами отпечатков пальцев. В устье каменного бассейна пол немного углублен, именно там было собрано значительное количество фрагментов станковой керамики.

Интерес представляет стратиграфия северо-западной части помещения. Его пол в этом месте был очищен от глиняного слоя, который имел напластования разных оттенков (светло-